

**ПОНЯТИЕ ЭКСТРЕМИЗМА И ПУТИ ЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ЧЕРЕЗ КАНАЛЫ СМИ
(НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)**

М. Х. Абдуллаев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Поступила в редакцию 27 апреля 2017 г.

Аннотация: в статье поднимается вопрос о необходимости формирования законодательно закрепленного, адекватного и емкого определения понятия «экстремизм». Автором также предпринимается попытка определить основные пути распространения экстремистских материалов (фактов, отдельных высказываний, идеологии и иной информации) через каналы средств массовой информации.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, каналы СМИ, массмедиа, ответственность СМИ.

Abstract: the article raises the question of the necessary to form a legislatively fixed, adequate and capacious definition of the concept of "extremism". The author also tries to determine the main ways of disseminating extremist materials (facts, individual statements, ideology and other information) through the mass media.

Key words: mass media, extremism, extremist activity, media channels, media responsibility.

Хотя феномен экстремизма является сегодня одним из самых популярных объектов исследования в государственно-правовой, политической, религиозной и философской науках, само понятие экстремизма так и не получило в литературе и терминологии однозначного и четкого определения, за исключением того, что практически каждый исследователь в своей работе обращается к первоначальному, семантическому значению данного определения, которое можно интерпретировать, отталкиваясь от латинского происхождения слова «экстремизм»: *extremus* — *крайний*. Таким образом, экстремизм определяют как некую приверженность (политическую, религиозную, идеологическую и др.) к крайним взглядам, идеям, мнениям, позициям.

Как правило, основным словом-маркером для экстремизма выступает относительное прилагательное «радикальный», через которое и определяется «радикальная приверженность», когда речь идет об экстремизме или экстремистском поведении, или экстремистской деятельности. Однако в этом исследовании перед нами не поставлена цель уяснения смысловой нагрузки данного понятия — мы ставим задачу политико-правовой характеристики термина «экстремизм» как явления социально-политического, негативные последствия от которого входят в плоскость правового регулирования государства.

Началом формирования юридической характеристики понятия «экстремизм» можно назвать 2003 год, когда на очередной сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы была принята Резолюция № 1344 (от 29.09.2003 г.), в которой предпринята попытка дать наиболее общее и в то же время близкое к сложившимся политическим реалиям толкование экстремизма. Таким образом, ПАСЕ определило, что «экстремизм — это разновидность политической деятельности, которая отвергает основополагающие принципы и концепции парламентской демократии» [1].

Двумя годами ранее была подписана Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. В названной конвенции было дано расширенное определение понятию «экстремизм»: «...какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [2, с. 301].

В то же время, анализируя содержание международных нормативных правовых документов, мы пришли к выводу, что имеющиеся в них концепции определения такого сложного социально-политического феномена как «экстремизм» недостаточны для

максимально точного прояснения сущности и специфических черт данного явления. К тому же разногласия вносят имеющиеся расхождения в национальных законодательствах тех стран, которые, например, входят в Совет Европы или тех, что подписали Шанхайскую конвенцию. Нет единого мнения и в научных обоснованиях экстремизма, что наталкивает на мысль о необходимости проведения серьезного, объемного компаративного анализа нормативных правовых документов, содержащих определения понятия «экстремизм».

Как уже было отмечено выше, российское законодательство весьма неоднозначно подходит к определению экстремизма. Нужно отметить, что практически ни один нормативный правовой акт не содержит полного и единообразного для применения на практике толкования термина «экстремизм», что, бесспорно, вносит путаницу и становится средством злоупотреблений со стороны контролирующих органов.

Тем не менее в ряде федеральных законов существуют определения смежных с экстремизмом понятий, например, экстремистской деятельности. Так, в статье 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» определено на сегодняшний день 13 разновидностей экстремистской деятельности, и этот перечень периодически меняется.

В 2012 г. отдельные толкования термина «экстремистская деятельность» вызвали недоумение в Европейской Комиссии за демократию через право (Венецианская Комиссия), которая в этом же году опубликовала мнение по поводу вышеуказанного закона. Комиссией, в частности, была сделана попытка оценить определение «экстремизма» путем сравнения его понятийного содержания согласно международным стандартам и в соответствии со статьей 2 Конституции РФ. Венецианская комиссия приходит к выводу, что в некоторых случаях определение основных видов деятельности, отнесенных к экстремистским, не дают общих характеристик экстремизма как государственно-правового и политического понятия, а в некоторых случаях дает слишком «широкие» определения, что «на руку» правоохранительным органам [3].

Отдельного внимания заслуживают замечания по поводу включения некоторых видов деятельности в разряд экстремистских: правомерность данного факта вызвало сильные сомнения со стороны Европейской Комиссии за демократию через право. В частности, указывается, что смысловое содержание экстремизма в российском федеральном законе и в Шанхайской конвенции, которую Россия подписала и ратифицировала, существенно отличается тем, что во второй в качестве определяющего в экстремизме элемента указывается факт применения насилия, однако в Законе не все виды деятельности,

отнесенные к списку экстремистских, содержат в себе такой элемент. Например, в части определения экстремистской деятельности как «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации» Венецианская комиссия поясняет: «использование средств, которые не упомянуты напрямую в данном законе, но не включают в себя применение насилия, нельзя считать экстремизмом. Мы полагаем это очень важным, так как выражение отличной точки зрения, с одной стороны, и насильственное изменение основ конституционного строя, с другой стороны, — это совершенно разные вещи» [3].

Подобных юридических претензий к законодательному регулированию вопросов противодействия экстремизму в Российской Федерации со стороны международного сообщества множество, однако, как справедливо отмечает Ю. В. Антюхов, наша страна в толковании экстремизма в большей степени полагается на свой богатый исторический опыт, который связан с теми печальными последствиями, к которым приводил и продолжает приводить экстремизм как крайне негативное социально-политическое явление, наносящее урон и российской государственности, и многонациональному российскому народу: «Принимая критику международного сообщества, национальное нормативное определение экстремизма претерпело ряд существенных изменений, но сближение международного законодательства с отечественным идет не просто ввиду того, что феномен экстремизма требует более тщательно выстроенной юридической стратегии, но и по той причине, что проблематика экстремизма и терроризма в современных реалиях требует от мирового сообщества консолидации и выработки общих мер по противодействию указанным проявлениям» [4, 12]. В противном случае, по нашему мнению, говорить о борьбе с экстремизмом и терроризмом на глобальном уровне будет просто невозможно.

Экстремизм в общем и довольно абстрактном смысле слова известный исследователь проблематики экстремизма и терроризма в их современных проявлениях К. М. Ханбабаев не просто определяет как «приверженность к крайним мерам, действиям, взглядам, решениям», но и поясняет, что экстремизм в своей основе предполагает наличие какой-либо идеологии, которая бы теоретически обосновывала необходимость применения насилия [5, 34]. Однако, на наш взгляд, такая аргументация весьма сомнительна и строится она отнюдь не на рациональных постулатах, а на эмоциональном восприятии окружающей действительности. В качестве примера можно привести преступную и аморальную по своей природе идеологию религиозно-политического экстремизма в исламе, от которого вот уже на протяжении двадцати лет страдают регионы российского

Северного Кавказа с преобладающим мусульманским населением. Так, обоснование своей по сути преступной деятельности религиозные экстремисты строят на выдержках, цитатах и даже целых аятах и сурах священного Корана, заведомо ложно и субъективно интерпретируя их содержание, вводя при этом в заблуждение, например, тех, кого они вербуют в свои круги.

Одним из наиболее удачных толкований экстремизма дают, на наш взгляд, Л. М. Пронский и Р. А. Шаряпов, которые представляют Московскую школу этнополитических исследований. По их определению, экстремизмом (именно с государственно-политической или государственно-правовой точки зрения) следует признать «приверженность конкретных лиц или организаций к крайним взглядам и мерам общественной практики, несущим в себе высокую степень опасности для личности, общества и государства» [6, с. 211].

Определяя экстремизм как деструктивную, радикальную, имеющую системный характер противоправную деятельность, это явление интерпретируется как сложный социальный феномен, включающий в себя три основных компонента:

- экстремистская идеология (базис экстремизма);
- экстремистская деятельность (воплощение в жизнь экстремистской идеологии);
- экстремистская организация (форма социальной организации экстремистской деятельности) [7, с. 29].

Таким образом, говоря объективно, дать полноценную политико-правовую и научно-теоретическую характеристику понятия «экстремизм» не видится возможным по двум основным причинам:

— во-первых, такого определения до сих пор не сформулировано ни в одном из возможных источников фиксации;

— во-вторых, феномен экстремизма — это слишком сложное, объемное и неоднозначное проявление объективной реальности, которое пока невозможно облачить в привычное лаконичное определение ввиду сложившегося неоднозначного ассоциативного ряда, разновидностей экстремизма и способов (форм) его внешнего проявления.

В то же время неоднозначность законодательного толкования рассматриваемого явления ставит перед нами задачу проанализировать основные пути распространения экстремизма, в первую очередь, через СМИ, для того, чтобы уяснить те формы внешнего его проявления, с которыми сталкивается современное российское общество.

Рассмотрим подробнее роль массмедиа и их возможности в распространении экстремистской идеологии.

Пресса активно отражает практически все социально-политические, экономические, культурно-

нравственные, экологические и иные трансформации, происходящие в обществе и оказывающие на людей определенное влияние. И сама пресса, продуцируя через печатное слово или эфирную трансляцию те или иные события, явления, феномены, формирует в сознании массовой аудитории определенное отношение к ним. В теории массовой коммуникации такие «способности» массмедиа принято называть влиянием СМИ на массовое сознание, манипуляцией этим сознанием.

Например, Ю. А. Дорохов видит в манипулировании общественным мнением путем информационного вмешательства в формирование социальных приоритетов и в дезориентации общественного сознания [8, 40] одну из важнейших задач радикальных экстремистских групп, которые могут преследовать различные цели: от политических до религиозно-идеологических, как, например, это происходит на Юге России, в частности, в республике Дагестан.

Не менее важной особенностью деятельности СМИ является способность формировать у аудитории определенные эмоции (в том числе негативные), которые нередко побуждают к действиям. Экстремистские группировки, активно пользуясь такими возможностями массмедиа, активно проталкивают в СМИ собственные интересы, тем самым «подставляя» редакции изданий, в отношении которых за экстремизм за последние пять лет было заведено тысячи дел об административных правонарушениях и уголовном преследовании. Именно поэтому законодательство Российской Федерации в сфере противодействия распространению экстремистской информации через каналы СМИ стремительно ужесточается, что не может не сказываться на спорах о намеренном ограничении конституционного права на свободу слова и информации, о скрытых попытках влиять на СМИ, подчинять их государству.

В этой связи видится необходимость рассмотреть основные каналы проникновения экстремистской информации в СМИ и типичные формы ее внешнего воплощения на страницах печати, в эфире аудиовизуальных массмедиа и в интернет-изданиях, зарегистрированных в качестве средств массовой информации.

1. Распространение через СМИ информации о произошедших событиях экстремистского или террористического характера с описанием излишних подробностей случившихся фактов, которые нагоняют еще больший страх на аудиторию и обуславливают возникновение массовых народных волнений; в том числе речь идет об использовании журналистами недостоверной, непроверенной информации, трансляция которой становится «побудителем» фактов неприкрытой агрессии, выступлений против определенных национальных или религиозных групп, например, факты возбуждения

межнациональной и межрелигиозной розни и ненависти к представителям мусульманских регионов российского Северного Кавказа после терактов в московском метро в марте 2010 г.

2. Публикация в СМИ материалов (как правило, авторских колонок, статей с элементами рассуждения, журналистских комментариев), в которых налицо присутствие скрытого (или явного) сочувствия представителям экстремистских или террористических кругов, которых журналисты нередко умудряются называть «независимыми освободителями», «борцами за справедливость», «истинно верующими» и т. д.

В качестве примера можно привести высказывание журналистки «Новой газеты» Юлии Латыниной, которую подхватила и с поддержкой высказанного перепечатала дагестанская газета «Черновик»: *«А ведь те, ушедшие в горы, — это, как отметила Юлия Латынина, элита нации. Люди бесстрашные, готовые с оружием в руках отстаивать свои идеалы. Представляете, если бы из таких состояли правоохранительные органы нашей республики или, более того, армия нашей страны? Весь мир дрожал бы от упоминания названия нашей Родины. Это — самые смелые»* [9, с. 7], т. е. журналисты уверенно называют преступников, терроризирующих мирное население, «бесстрашными», «отстаивающими свои идеалы», «самыми смелыми» и др.

3. Необоснованная критика правоохранительных органов и других органов государственной власти, призванных бороться с экстремизмом, в проведении и реализации неоправданно жесткой, антигуманной и несоответствующей международным принципам охраны и защиты прав человека политики противодействия указанному феномену.

Как правило, такая критика подкрепляется констатацией конкретных фактов, указанием фактических ошибок и нарушений со стороны правоохранительных органов. Конечно, СМИ имеют полное право критиковать и указывать госорганам на их реальные ошибки, однако, когда это делается не в целях поиска истины, восстановления справедливости по закону или улучшения работы ответственных органов, а для того, чтобы оправдать экстремистов и иных преступников, выступить в их защиту, массмедиа должны нести ответственность и помнить не только об объеме своих прав, но и не забывать об обязанностях, а также о правовой ответственности перед государством и ответственности морально-этической перед собственной аудиторией.

4. Вброс экстремистской информации на интернет-сайт печатного СМИ или публикация текста, содержащего экстремистскую информацию, в электронном массмедиа (интернет-СМИ).

Интернет является одним из самых легких, действенных и доступных для экстремистов инстру-

ментов распространения своей идеологии, при этом интернет-пространство до сих пор остается самой — с правовой точки зрения — неосвоенной и четко нерегламентированной законодательством сферой человеческой деятельности. К сожалению, интернет-СМИ нередко становятся трансляторами экстремистских идей и взглядов, к тому же до 2012 г. сегмент российского Интернета был практически не регулируемым, что «развязало руки» тем, кто использует потенциал массмедиа в своих преступных целях.

Уже неоднократно было отмечено и с высоких трибун, и со страниц научных изданий, и самим журналистским сообществом, что экстремистские идеологи активно воздействуют через Интернет на неокрепшую, еще до конца несформировавшуюся психику и социально-нравственные ориентиры молодых людей, которые становятся легкой «добычей» экстремистски ориентированных лиц.

Полемика для распространения экстремистской информации становятся и интернет-СМИ, у которых возможностей распространять и тиражировать те или иные материалы ничуть не меньше, чем в традиционных массмедиа. Мало того, правоохранительными органами и Роскомнадзором зафиксировано много случаев, когда зарегистрированные как средства массовой информации интернет-ресурсы со временем «переквалифицировались» в рупор экстремистской пропаганды и возбуждения вражды и ненависти, в том числе к российскому государству и устоявшейся конституционной государственности в нашей стране в целом.

5. Публикация в СМИ или трансляция через аудиовизуальные средства массовой информации символики, фотографий и иных визуальных изображений, отнесенных к разряду экстремистских, националистических, фашистских и т. д. (однако следует признать, что такие факты, как правило, становятся невольным действием, изначально не направленным на желание распространять или пропагандировать экстремистскую информацию или символику).

6. Публикация в СМИ цитат, изречений, интервью лиц, действия которых признаны противоправными, экстремистскими, террористическими или иными преступными деяниями, в которых содержатся призывы к свержению государственной власти, конституционного строя Российской Федерации или призывы к ненависти или вражде к определенной группе населения по национальному, религиозному, социальному, расовому или языковому признакам.

Например, публикация некоторыми российскими СМИ отдельных отрывков из интервью известного на Кавказе экстремиста и террориста Шамиля Басаева, которое он дал в 2004 г. канадской газете *The Globe and Mail* [10, с. 9] сразу после

теракта в Бесланской средней школе, вызвало широкий резонанс в обществе и даже побудило Государственную Думу Российской Федерации стать инициатором рассмотрения поправок в законодательство РФ о противодействии экстремистской деятельности.

Один из современных примеров — активное цитирование полевого командира и на протяжении многих лет главы дагестанского бандподполья Раппани Халилова, нейтрализованного в 2007 г. и одного из идеологов и вербовщика в экстремистские круги Дагестана и Ингушетии Александра Тихомирова, более известного под псевдонимом Саид «Бурятский» в статье «Террористы № 1» [11, с. 6], опубликованной в дагестанском общественно-политическом еженедельнике «Черновик» в июле 2008 г. За публикацию данного текста с подачи Прокуратуры РФ Следственное управление СК РФ по Республике Дагестан инициировало возбуждение нескольких уголовных дел.

Таким образом, можно сделать вывод, что, не отрицая важнейшей миссии средств массовой информации по распространению и доведению до аудитории достоверных сведений о событиях, фактах, явлениях, действиях, в том числе о фактах существования, распространения идеологии и негативных последствиях деятельности экстремистских группировок и иных формирований, следует в то же время отметить, что экстремизм (в виде идеологии, действий, информации и др.) не должен быть объектом журналистских происков и содержанием газетных, аудиовизуальных или электронных публикаций.

Еще более недопустимым и с точки зрения права, и с позиций деонтологии современных СМИ является предоставление газетной или электронной площадки, эфирного времени радио и телевидения для выступления лицам, являющимся последователями или пропагандистами экстремизма, идеологами террористических или иных преступных, ориентированных против российской государственности кругов, жаждущим обратиться к своим потенциальным сторонникам с декларацией своих противо-

правных намерений, взглядов или иных конкретных действий.

ЛИТЕРАТУРА

7. Resolution 1344 (2003) «Threat posed to democracy by extremist parties and movements in Europe».
8. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. // Бюллетень международных договоров. — 2004. — № 1.
9. Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия). Мнение по поводу федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс]. — Страсбург, 20 июня 2012. — URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/publications/2012/07/> (дата обращения: 14.03.2017 г.).
10. Антюхов Ю. В. Исторический обзор особенностей современной трактовки экстремизма в национальном и международном законодательстве / Ю. В. Антюхов // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2014. — № 1 (57).
11. Ханбабаев К. М. Религиозно-политический экстремизм в России : состояние и проблемы / К. М. Ханбабаев. — Махачкала : Лотос, 2011.
12. Пронский Л. М. Понятие определения экстремизма с государственно-правовой точки зрения / Л. М. Пронский, Р. А. Шаряпов // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму : Мат. Всерос. науч.-практ. конф. — Махачкала : Лотос, 2008. — Т. 1.
13. Религиозно-политический экстремизм : сущность, причины, формы проявления, пути преодоления. Научная монография / [под общей ред. проф. М. Я. Яхьяева]. — М. : Парнас, 2011.
14. Дорохов Ю. А. Роль информационной политики в процессе радикализации общества в республике Дагестан / Ю. А. Дорохов // Каспийский регион : политика, экономика, культура. Научный журнал. — 2012. — № 2.
15. Мамаев А. Инвестиции в «мозги» / А. Мамаев // Черновик. — 2008. — 27 июня. — № 26.
16. Ахундов А. Шамиль Басаев говорит все громче / А. Ахундов // Коммерсант. — 2004. — 1 нояб. — № 204.
17. Хуцныев В. Террористы номер один / В. Хуцныев // Черновик. — 2008. — 4 июля. — № 27.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

*Абдуллаев М. Х., аспирант кафедры периодической печати факультета журналистики
E-mail: m.abdullaew2010@yandex.ru*

*Moscow Lomonosov State University
Abdullaev M. Kh., Post-graduate Student of the Periodical Press Department*

E-mail: m.abdullaew2010@yandex.ru